

Г. М. КЕРТ

О ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ НЕКОТОРЫХ КРИТЕРИЕВ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В последнее время в советской литературе по языкознанию вновь, как и в 30-е годы, горячо обсуждаются вопросы синтаксиса простого предложения и, в частности, вопросы членения предложения. Вновь начинают критиковать традиционную схему членения предложения. Особенно подвергается нападкам выделение второстепенных членов. Некоторые языковеды считают, что второстепенные члены предложения не имеют грамматических критериев. Так, М. Петерсон отмечает, что „сама постановка вопроса о членах предложения ведет к априоризму, к неправильному отождествлению предложения с логическим или психологическим суждением“.¹ А. Шапиро, в частности, указывает на то, что „принципы, по которым до сих пор пытались устанавливать принадлежность второстепенного члена к тому или иному классу, не отвечают существу дела“.²

Другие лингвисты, соглашаясь с тем, что классификация структуры предложения по членам предложения является априористичной, все же принимают ее, поскольку не найдены иные пути исследования предложения.³

Наконец, третьи принимают существующую классификацию, предлагая внести в нее некоторые уточнения.⁴ Акад. В. В. Виноградов пишет, что „традиционное учение о второстепенных членах предложения нуждается в коренном пересмотре“.⁵ Он также отмечает, что „выделение трех второстепенных «членов предложения» и распределение по их рубрикам всего многообразия живых синтаксических связей слов в составе предложения связано с искусственной схематизацией структуры предложения и далеко не всегда основано на собственно грамматических принципах“.⁶

Совещание по теории синтаксиса, происходившее в декабре 1960 г. в Московском университете, со всей очевидностью показало наличие разных подходов и разных решений как в определении предмета синтаксиса, так и в методах синтаксических исследований. Это положение объясняется главным образом сложностью самого вопроса. Вопросы

¹ М. Петерсон. Эклектизм и антиисторизм взглядов И. И. Мещанинова на члены предложения и части речи. В сб.: „Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании“, ч. II, М., 1952, стр. 389.

² А. Шапиро. К учению о второстепенных членах предложения в русском языке. „Вопросы языкознания“, 1957, № 2, стр. 82.

³ П. Поллер. О системах членения предложения в зарубежной грамматической литературе. „Проблемы изучения языка“, М., Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, 1957, стр. 69.

⁴ Е. Кротевич. Члены предложения в современном русском языке. Изд. Львовск. гос. унив., 1954; В. Мигирин. Отношения между частями речи и членами предложения. „Научные доклады высшей школы. Филологические науки“, 1959, № 1.

⁵ Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис. М., 1954, стр. 97.

⁶ Там же, стр. 96—97.

синтаксиса — это в первую очередь вопросы соотношения мыслительного содержания и средств выражения, т. е. вопросы соотношения языка и мышления. Поэтому при членении структуры предложения необходимо учитывать как значение, так и формальные средства. Однако если понятие формальной стороны языка не вызывает различных мнений и толкований, то в определении значения синтаксических явлений у лингвистов до сих пор нет единого мнения. Предложение далеко не всегда передает суждение в логике. Язык в его письменной форме уже предстает перед нами как результат работы мышления. При анализе структуры предложения (будь это для практических целей — машинного перевода или школьной грамматики, или теоретических — процесс выявления мышления в языке) мы должны оперировать языковыми фактами, а не категориями мышления.

Задача нашей работы — показать некоторые противоречия, имеющиеся в учении о второстепенных членах предложения. При этом мы учитываем, что критерии для их выделения, за небольшим исключением, являются едиными для большинства языков.

Согласование, управление и примыкание, как способы синтаксической связи слов в предложении, характеризуют определенные члены предложения, но отнюдь не являются определяющими для них. Попытка Ф. И. Буслаева¹ определить члены предложения, с одной стороны, по синтаксическим связям (согласование, управление, примыкание), с другой стороны — по вопросам привела к неразрешимым противоречиям: в одних случаях обстоятельства оказываются управляемыми („сидеть в саду“), а определения несогласуемыми („кружка из жести“), в других случаях один и тот же член предложения может трактоваться различно; например, в предложении „я ходил в сад“ слово „сад“ с предлогом по значению (вопросу) является обстоятельством, по управлению же — дополнением.

Обычно синтаксистами различаются понятия „синтаксические связи (или отношения) между членами словосочетания“ и „синтаксические отношения между членами предложения“.² Так, Е. Кротевич пишет: „В строении предложения, абстрагируясь от частного и конкретного, нетрудно обнаружить единство, так сказать, двух линий или двух схем грамматических связей: одну из них составляют внешние, формальные связи между отдельными словами — частями речи, как морфологическими категориями, осуществляющими организацию этого строительного материала с помощью имеющихся в распоряжении языка соответствующих средств (например, согласования, управления, примыкания), вторую схему составляет внутренняя зависимость компонентов предложения друг от друга по определенным синтаксическим отношениям (предикативные отношения, атрибутивные, объектные и др.), в которые вступают наличные в данном языке члены предложения (подлежащее, сказуемое, определение и др.)“.³ Здесь сразу встает вопрос: каковы грамматические критерии этого второго вида связи?

Если для первого типа отношений мы можем установить грамматические критерии (согласование в числе и падеже при определении и

¹ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

² В „Грамматике русского языка“ (т. II, М., 1954), во „Введении“, наблюдается непоследовательность в употреблении терминов „синтаксические приемы“ и „синтаксические связи или отношения“. Согласование, управление, примыкание как способы грамматической связи слов в одних случаях называются „синтаксическими приемами“, в других случаях — „синтаксическими связями, или отношениями“.

³ Е. Кротевич. Члены предложения в современном русском языке. Изд. Львовск. гос. унив., 1954, стр. 11.

определяемом, выступление имени в определенном падеже в зависимости от значения управляющего глагола) и это будут грамматические отношения, так как имеют свое формальное выражение, то для второго типа по существу нет единых, формальных грамматических критериев; отношения второго типа в одном случае являются логическими (между субъектом и предикатом, определяющим и определяемым), в другом случае их квалифицируют как объектные, обстоятельственные, хотя, как мы увидим ниже, с точки зрения логики объектные и обстоятельственные отношения также являются определительными между главным и зависимым членами словосочетания.

Как в предложении, так и в словосочетании существуют одни и те же „формальные связи... , осуществляющие организацию этого строительного материала“. Единственная „прибавка“ в предложении — это предикация, выражающаяся в интонации предложения и соотносительности действия к лицу, числу, времени, наклонению.

С другой стороны, как в предложении, так и в словосочетании существует „вторая схема грамматических связей“, за исключением предикативных отношений (ведь говорим же мы об определительных, объектных, обстоятельственных отношениях в словосочетаниях).

Таким образом, как предложению, так и словосочетанию присущи одни и те же грамматические связи (за исключением предикативных).

По нашему мнению, подлинно грамматическими связями являются связи первой схемы. Причислять же к разряду грамматических связей связи второй схемы нам представляется нецелесообразным по той причине, что у них отсутствуют грамматические критерии.

Позднее Е. Кротовичем было выдвинуто несколько иное определение синтаксических отношений: „Под синтаксическими отношениями мы понимаем такие отношения, которые устанавливаются между самостоятельными словами и их фразеологическими эквивалентами, выполняющими в словосочетании или предложении определенную синтаксическую функцию“.¹ Сравните также: „Синтаксическая роль слова... зависит прежде всего от синтаксических отношений, которые устанавливаются в строе предложения между его членами“.²

Однако определения синтаксической функции Е. Кротович не дает, между тем это является одним из труднейших вопросов языкознания.

Наиболее общие критерии для определения синтаксической функции слова приводятся Р. Аванесовым: „Синтаксическая функция слова определяется не только его морфологической категорией, как думают формалисты. Она обусловлена (в этом заключается специфически синтаксическое) всеми связями данного слова с другими, контекстом как в пределах предложения, так и за пределами его; всеми значениями слова (грамматическим и вещественным) как данного слова, так и того слова, к которому оно относится“.³

Как видим, данное определение синтаксической функции является общим, а потому и недостаточно полным. В этом определении дается ряд признаков, которые свойственны синтаксической функции, причем эти признаки относятся к различным сторонам языка (связи слова, кон-

¹ Е. Кротович. Синтаксические отношения между членами словосочетания и членами предложения. В кн.: Вопросы русского языкознания, т. II. Изд. Львовск. гос. унив., 1956, стр. 5.

² Е. В. Кротович. Слово, части речи, члены предложения (к вопросу об их соотношении). Изд. Львовск. гос. унив., 1960, стр. 13.

³ Р. И. Аванесов. Второстепенные члены предложения, как грамматические категории. „Русский язык в школе“, 1936, № 4, стр. 54.

тексту, значению и т. д.). И только „интуиция“ исследователя должна определить, какой из критериев необходимо брать в каждом конкретном случае. Синтаксические отношения определяются посредством синтаксической функции, а последняя посредством синтаксических отношений, которые в свою очередь определяют члены предложения. Получается тавтология, заколдованный круг, уравнение, в котором три неизвестных и ни одного известного. Таким образом, определение синтаксических отношений посредством синтаксической функции не может быть достаточным.

А. Шапиро дает новую схему синтаксических отношений.¹ Указывая на неграмматичность критериев, по которым определяются предикативные, атрибутивные, объектные и другие отношения традиционной грамматики, он предлагает следующие основные типы синтаксических отношений: квалифицирующий, пополняющий, дополнительный. По нашему мнению, в статье правильно дается критика принципов выделения предикативных, атрибутивных, объектных и других отношений в традиционной грамматике. Однако, предлагая новую классификацию синтаксических отношений, А. Шапиро оставляет по существу старую схему способов синтаксической связи слов. Так, квалифицирующим типом отношений он называет отношение между членами словосочетания, известное как способ синтаксической связи „согласование“, под пополняющий тип подводится способ синтаксической связи „управление“ и т. д.

Поскольку классификация по членам предложения основывается на втором виде связи, необходимо подробнее остановиться на ней, показать существо этих синтаксических связей (или отношений) в отдельности, определить, являются ли эти отношения в каждом конкретном случае отношениями между однородными величинами и в чем состоит различие между этими отношениями.

Между подлежащим и сказуемым существуют предикативные отношения. Так, в академической грамматике указывается, что „соотносительные члены предложения, связанные предикативными отношениями (разрядка наша, — Г. К.), — это подлежащее, выраженное формой именительного падежа имени существительного, местоимения (а также субстантивированного слова), и сказуемое, выраженное личной формой глагола, краткой формой причастия, прилагательного или другими морфологическими средствами“.² Сравните также: „В строе предложения, если подражать его к строю суждения, естественно выделяются два члена: подлежащее, в котором ищут и часто находят соответствие субъекту суждения, и сказуемое, которое рассматривается как выражение предиката“.³

Подлежащее и сказуемое практически определяют как выразители субъекта и предиката суждения. Особенно ярко это проявляется в тех случаях, когда подлежащим выступает не имя существительное в именительном падеже или другое субстантивированное слово, а неопределенная форма глагола (инфинитив), например: „Сидеть одному в комнате — скучно“.

Таким образом, отношения между подлежащим и сказуемым считаются предикативными отношениями. Предикативные отношения признаются логикой. Определение как член предложения также определяется по характеру логических отношений, а именно: определение характери-

¹ А. Шапиро. Словосочетание в русском языке. В сб.: „Славянское языкознание“, М.—Л., 1959.

² Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. I. М., 1954, стр. 88.

³ Там же, стр. 68.

зуется по атрибутивным отношениям между предметом и его признаками. Атрибутивные отношения признаются логикой. Следовательно, как предикативные, так и атрибутивные отношения являются логическими отношениями, которые, разумеется, находят свое конкретное проявление в грамматическом материале (лексике и грамматике).

Обстоятельство же находится в этом отношении в несколько особом положении. Обстоятельство как член предложения определяется не по характеру отношений в логическом суждении, а по значениям, которые передаются им. Отношения же между обстоятельством и сказуемым являются также атрибутивными. Об этом вполне ясно и определенно пишут М. Алексеев и Г. Колшанский: „Логическое отношение признака и определяемого (ограничиваемого) понятия передается в языке словосочетанием — определение с определяемым для имени или дополнение и обстоятельство при глаголе. Логическое предикативное отношение понятий (суждение) реализуется в синтаксисе в форме предложения (точнее, в форме предикативной связи предложения)“¹

Итак, отношения между обстоятельством и сказуемым являются не обстоятельными, а атрибутивными. Разница состоит в том, что указывается не признак предмета, а признак действия или состояния (атрибут в широком смысле слова). Объектные отношения также являются атрибутивными.²

Следует сказать, что из правильной посылки о двух видах логической связи и ее выражении средствами языка М. Алексеев и Г. Колшанский не делают правильных выводов относительно членения предложения. Подлежащее, сказуемое, определение определяются в грамматике по логическим отношениям — предикативным и атрибутивным. Остальные же члены предложения — дополнение (прямое и косвенное), обстоятельства определяются не по логическим отношениям, а по иным (обстоятельным, объектным). Однако существо обстоятельных и объектных отношений грамматистами не раскрывается. В практике же определения второстепенных членов предложения обычно отыскиваются обстоятельство и косвенное дополнение, а потом устанавливаются так называемые синтаксические отношения, хотя априорно считается, что члены предложения определяются по синтаксическим отношениям.

Существо обстоятельных и объектных отношений остается невыясненным, и данные члены предложения (обстоятельство и косвенное дополнение) практически определяются по значению (по вопросам). Вопросы же, которыми устанавливаются те или иные обстоятельства и которые, по мнению многих авторов, являются универсальным средством для определения членов предложения, сами по себе могут уста-

¹ М. Алексеев и Г. Колшанский. О соотношении логических и грамматических категорий. „Вопросы языкознания“, 1955, № 5, стр. 15. См. также: Г. Колшанский. К вопросу о логической функции второстепенных членов предложения. 1954, стр. 39.

² В этой связи интересно отметить, что в финно-угорских языках в историческом аспекте так называемые объектные отношения развились из атрибутивных отношений, т. е. прямое дополнение когда-то было определением. „Вначале не было категории прямого дополнения, а была категория определения при имени, обозначающем действительность (поскольку в ход пошло именно такое имя). Определение оформлялось согласно обычным нормам: оно могло стоять во внепадежной форме, если обозначало непосредственный предмет, и должно было стоять в родительном падеже, если обозначало предмет определенный.“

„Но прошло время, сформировался глагол, и слово, которое некогда было определением при имени, обозначающем действительность, не могло остаться определением — ведь оно относилось уже к глаголу. Оно стало прямым дополнением“ (Д. В. Бубрих. Историческая грамматика врынского языка. Саранск, 1953, стр. 51—52).

новить лишь смысловые значения, а отнюдь не синтаксические отношения. Например, „быстрый бег“ и „быстро бежать“ — отношения одни и те же (определятельные), а члены предложения различные.

Таким образом, налицо двойной принцип определения членов предложения: по логическим отношениям между понятиями и признаками понятия, находящим свое выражение в структуре предложения, и по значению, выражаемому отдельными словами, падежными формами слов и словосочетаниями.

Отсутствие единства принципов при членении предложения в какой-то мере характерно и для грамматик других языков.

В грамматиках финского языка, изданных в Финляндии, в основном существует такая же схема членения на второстепенные члены предложения, как и в грамматиках русского языка. Эта схема была в свое время предложена Э. Сетяля¹ в прошлом столетии и по существу не изменялась до настоящего времени. Грамматика А. Пенттиля,² давшая новую трактовку по многим вопросам грамматики финского языка,³ в вопросе членения предложения, за небольшими исключениями, также продолжает традиции синтаксической теории Э. Сетяля.

Следует сказать, что предложенная Э. Сетяля классификация второстепенных членов предложения, совпадая в основных положениях с традиционной классификацией русской грамматики, все же отличалась от последней. Все второстепенные члены предложения, относящиеся как к имени, так и глаголу, относились к определениям в широком смысле слова (*määräykset*). Это по существу зависимые члены предложения (по терминологии русской грамматики), противопоставляемые главным членам предложения.

В отличие от русских грамматик в грамматиках финского языка не различаются прямое и косвенное дополнение, т. е. косвенное дополнение не выделяется. В этом отношении грамматики финского языка более последовательны, так как „косвенное дополнение“ по своему значению не имеет ничего общего с „прямым дополнением“. Кроме того, „косвенное дополнение грамматически не отличается от обстоятельства“, на что справедливо указывает К. Майтинская.⁴

В грамматиках финского языка в качестве самостоятельных членов предложения выделяются предикатив (*predikaatin täyte* или *predikatiivi*) и аппозицион (*appositio*).⁵

В грамматиках русского языка предикатив соответствует именной части составного сказуемого, а аппозицион — или дополнению, или обстоятельству. Однако и для грамматики финского языка характерно отсутствие единых критериев при определении членов предложения. В этой связи интересно отметить, что в работах по синтаксису финского языка также часто предлагаются „практические“ советы для определения членов предложения в тех случаях, когда критерии для их выявления неопределенны. Так П. Нумминен предлагает следующий спо-

¹ E. N. Setälä. Suomen kielen lauseoppi. Helsinki, 1880.

² A. Penttilä. Suomen kielioppi. Porvoo—Helsinki, 1957.

³ См. помещенную в настоящем выпуске трудов рецензию Ю. Елисеева на работу А. Пенттиля.

⁴ К. Е. Майтинская. Принципы изучения синтаксиса (на материале финно-угорских языков). „Известия АН СССР“, Отд. лит. и языка, т. 20, вып. 2. 1961, стр. 141.

⁵ Аппозиционом называется такой член предложения, который соотносится как с подлежащим, так и со сказуемым предложения и соответствует придаточному предложению, например: *Nuorena hän oli vilkas* 'Молодым (когда он был молодой) он был подвижный'.

соб различия субъекта и предикатива. Если слово оказывается изменяющимся, то это предикатив, если неизменяющимся — субъект.¹

Поскольку в определении членов предложения отсутствует единство принципов (подлежащее, сказуемое, определение определяется по логическим отношениям, а также по вопросам, в то время как обстоятельство и косвенное дополнение — только по вопросам), практическое соотношение слова или словосочетания к члену предложения в некоторых случаях приводит к неразрешимым противоречиям. Так, в финской грамматике имеется категория „объектно-подобных“ обстоятельств (*objektin-sukuiset määrykset*); по своим морфологическим показателям эта категория относится к дополнению, так как имеет показатель аккузатива, по своему же значению она принадлежит к обстоятельствам, ибо выражает время, место и т. д., например: *kuljimme kilometrin* ‘мы прошли километр’, *kävelimme jalkaisin koko matkan* ‘мы шли пешком весь путь’, *viivymme matkalla viikon* ‘мы пробыли в пути неделю’.

Такая двойственность этой категории объясняется отсутствием единых принципов при определении членов предложения. Так, прямое дополнение как член предложения определяется по форме падежа (аккузатив или партитив) и по переходности глагола. И тот и другой критерий являются грамматическими. В данном случае значение, выражаемое словом в падежной форме, не принимается во внимание, например: *rakennan talon, taloa* ‘построю, строю дом’, *syön leipää, leivän* ‘ем, съем хлеб’.

При определении же обстоятельства как члена предложения за критерий принимается только лишь значение, выражаемое словом в данной падежной форме. Падеж же сам по себе в расчет не принимается, например: *talossa* (инессив) ‘в доме’, *kadulla* (адессив) ‘на улице’ — обстоятельства места; *päivässä* (инессив) ‘в день’, *päivällä* (адессив) ‘днем’ — обстоятельства времени.

Падеж партитив в основном является субъектно-объектным падежом.² Однако в финском языке встречаются конструкции, в которых партитив может выражать место, время, причину и т. д., например: *He kulkevat tätä tietä* ‘Они шагают по этой дороге (букв. Они шагают эту дорогу)’; *Ilkeyttänsä poika itkee* ‘Мальчик плачет от злости (букв. Мальчик плачет свою злость)’. Если в словах *tietä* ‘дорогу’, *ilkeyttänsä* ‘свою злость’ за исходный пункт при членении предложения брать падежный показатель, то эти слова будут относиться к прямым дополнениям. Если же в этих словах за исходный пункт брать значение, выраженное ими, то в таком случае эти слова необходимо считать обстоятельствами: в первом предложении — обстоятельство места, во втором — обстоятельство причины. Таким образом, перед нами опять неразрешимое противоречие, которое также объясняется отсутствием единых принципов членения предложения.

Итак, прямое дополнение, с одной стороны, и обстоятельство — с другой, определяются каждый по своему, только ему одному присущему принципу. А раз это так, то „сфера“ действия одного из указанных принципов частично накладывается или входит в сферу действия другого принципа. Поэтому для нас важно высказывание акад. В. В. Виноградова об изучении этих случаев: „...при зыбкости трех категорий второстепенных членов предложения — определения, дополнения и обстоятельства — очень важны наблюдения над случаями переходными и син-

¹ P. Numminen. Eräistä lauseenjäsennyksen seikoista. „Sananjalka“, I, Turku, 1959, стр. 32.

² Исторически партитив в финском языке восходит к падежу с местным значением (ср. *kaukaa* ‘издалека’).

кретическими» (т. е. совмещающими значения разных членов предложения)¹. По-видимому, эти „переходность“ и „синкретичность“ объясняются не только „сложностью“, „недифференцированностью“ и „внутренней противоречивостью“, как пишет В. В. Виноградов, „функционально-синтаксических оттенков, облекающих морфологическое ядро категорий определения, дополнения и особенно обстоятельства“,² но также и отсутствием единых принципов при определении членов предложения.

Таким образом, „искусственная схематизация структуры предложения“ связана также в значительной степени с отсутствием единых критериев при определении тех или иных членов предложения.

При существующем уровне разработки данного вопроса нам представляется необходимым выявить все сильные и слабые стороны существующей схемы членения предложения. Причем оперировать необходимо однозначными терминами, т. е. терминами, не допускающими двойного толкования. И только после тщательного анализа существующей схемы должен быть решен вопрос о ее правомерности.

¹ В. В. Виноградов. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка). В сб.: „Вопросы грамматического строя“. М., 1955, стр. 420.

² Там же.